

решить следующие задачи: рассмотреть историю становления и развития информационных технологий; выявить специфику информационного пространства молодёжной среды; обозначить основные компоненты коммуникации в молодёжной среде; исследовать влияние Интернета на коммуникационные процессы молодёжи. Следует отметить, что современное состояние ИТ позволило в значительной мере увеличить объемы и интенсивность информационных потоков и качественно расширить набор средств реализации коммуникационных взаимодействий.

Такой интенсивный обмен большими объемами информации и взаимодействие различных точек зрения, зачастую противоречащими установившимся на протяжении веков моральным нормам, а также их активное (даже агрессивное) навязывание привело к некоторым негативным последствиям. В частности, все чаще мы сталкиваемся с формированием унифицированного мировоззрения, упрощенного представления о мире на основе специально подобранных и тщательно организованных сведений. Это создает опасность формирования пассивных потребителей информации, создаваемых многочисленными каналами средств массовой коммуникации.

Городецкая А.И., студ. 216д гр.

Научный руководитель – Марецкий А.И.

РЕЛИГИОЗНОЕ ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ИСТОРИИ

Жизнь каждого человека при внимательном самоанализе достаточно убедительно может показать ему, что его благо, счастье возможно только в единстве с Богом, обретаемом на пути правильной (праведной) жизни. Из

наблюдения за внешней стороной жизни человека становятся очевидными результаты человеческого прогресса, не нуждающегося в Боге.

Исторический процесс развития человечества бесстрастно свидетельствует о плодах его деятельности. Таким образом, смысл истории, с религиозной точки зрения, состоит в том, чтобы каждая отдельная человеческая личность, так и человечество в целом, познавая плоды дел рук своих, убедились в гибельности своего т.н. свободного, независимого от Бога пути жизни и пришли к пониманию необходимости Христа Спасителя. Это понимание является главнейшим приобретением человеческой жизни, её истинным смыслом, поскольку в нём начало спасения человека.

История, написанная в соответствии с христианскими принципами, является провиденциальной и апокалиптической. Она приписывает исторические события не мудрости людей, но действиям Бога, определившего не только основное направление, но и все детали исторического развития. Такая история ищет в общем ходе событий закономерность, предопределяющую ход человеческой эволюции. Теология истории длится от творения до судного дня и спасения. Поступь Бога в истории обнаруживает себя в последовательности актов сотворения мира, создания человека и изгнания его из рая, изъявления божественной воли устами пророков, спасения, явления Бога людям на рубеже времен, предстоящего Страшного суда. Смысл исторического существования заключен в будущем и является результатом не одного познания, но и исполненного надежд ожидания.

Объективный смысл придается истории и историческим материализмом Маркса. История, по Марксу, имеет определенную цель и тем самым смысл: целью является будущее «царство свободы», для достижения которого необходимо уничтожение частной собственности и

создание бесклассового общества. А. Тойнби, отрицательно относящийся к учению Маркса, в особенности к «Манифесту Коммунистической партии», сближает понимание Марксом смысла истории с религиозным истолкованием этого смысла:

«Определенно иудейский дух марксизма – это апокалиптическое видение безудержной революции, которая неизбежна, поскольку предписана самим Богом, и которая должна изменить нынешние роли пролетариата и правящего меньшинства до полной их перестановки, которая должна возвести избранных людей в единой связке с нижайшего до высочайшего положения в царстве этого мира. [5, с. 419] Маркс возвел в своем на все способном деизме богиню «исторической необходимости» на место Яхве, пролетариат современного западного мира – на место евреев, а царство Мессии изобразил как диктатуру пролетариата. Однако характерные черты традиционного еврейского апокалипсиса выступают здесь сквозь потертую маску. Наш философский импресарио предлагает в современном западном костюме до раввинский маккавейский иудаизм...». Тойнби упрощает позицию Маркса. Согласно Марксу, история имеет в будущем свою объективную цель, по достижении которой она перейдет в другое временное измерение.

В этом аспекте Маркс действительно близок к религиозному апокалиптическому истолкованию истории и ее смысла. Но, с другой стороны, Маркс полагает, что история движется не только своим притяжением к конечной цели, но и объективными историческими законами, обуславливающими переход от более низких к более высоким общественно-экономическим формациям и в конечном счете – к коммунистической формации. Идея законов истории совершенно чужда религиозным концепциям истории.

Вторая из указанных позиций в вопросе о смысле истории видит цель истории не в будущем, а в самой длящейся истории и вместе с тем полагает, что внутренняя ценность придается истории не человеком, а присуща ей объективно и независимо от человека. Эта позиция является редкой, поскольку она плохо прилагается к реальной истории, переполненной угнетением, войнами и насилием. Объективной внутренней ценностью обладает, конечно, жизнь в небесном раю. Такой ее делает Бог, и человеку, попавшему в рай, не нужно ни о чем заботиться, ему остается только наслаждаться каждым проведенным там мгновением. Однако жизнь в раю протекает не во времени, а в вечности и как таковая не имеет истории. К тому же реальная, земная жизнь совершенно не похожа на райское существование. Объективную внутреннюю ценность должна, по идее, иметь также жизнь в том земном раю, который постулируется историческим материализмом. Но и эта жизнь, каждое мгновение которой должно быть прекрасным само по себе, будет не историей, а пост-историей, ничем не напоминающей предшествующее историческое существование. Нужно, впрочем, отметить, что для Маркса (но не для Гегеля) объективную внутреннюю ценность имеет не только жизнь в пост-истории, при коммунизме, но и жизнь в реальной истории. Однако только при условии, что последняя сознательно посвящена борьбе за высокие коммунистические идеалы, т.е. идет по линии действия законов истории и согласуется с ее конечной целью.

С точки зрения представления об истории как о потоке, движущемся между двумя полюсами – открытым обществом и закрытым обществом, – история не имеет никакого объективного, не зависящего ни от человека, ни от человечества в целом смысла.

У истории нет объективной, навязанной ей цели, лежащей или вне ее, или в самом ее конце, в пост-истории. История не является подготовкой

ни к раю на небесах, ни к раю на земле. Не будучи средством достижения подобных целей, она не имеет инструментального смысла. Жизнь в коллективистическом обществе и жизнь в индивидуалистическом обществе настолько различна, что идея, будто и той, и другой присуща одинаковая внутренняя ценность, лишается оснований. С позиции понимания истории как не имеющих конца во времени колебаний между коллективизмом и индивидуализмом история не имеет, таким образом, ни внешней, ни внутренней объективной ценности.

В христианском мировоззрении царство небесное вводилось в историю как ее предел. Оно мыслилось как реализация абсолютного блаженства, достижение идеального состояния, требующего в качестве своего условия уничтожения всего сущего и воссоздания жизни на новых основаниях. История оборвется, мир будет спален всепожирающим огнем, жизнь окончится, только тогда наступит совершенно иная жизнь, в которой уже не будет зла. До окончания же мировой истории, как сказано у св. Августина, Вавилон злых и Иерусалим добрых будут шествовать вместе и нераздельно. К. Досон обращает внимание на то, что вера в прогресс является в определенном смысле новой интерпретацией христианского представления о ходе истории. Эта вера, говорит Досон, не была чисто рациональной конструкцией, она являлась, в сущности, ни чем иным, как секуляризованной версией традиционного христианского взгляда. От христианства она восприняла его веру в единство истории и в духовную и моральную цель, которая придает смысл историческому процессу в целом. Вместе с тем перенос этих понятий в чисто рациональную и светскую теорию культуры привел к их резкому упрощению. Для христианства смысл истории являлся тайной, открывающейся только в свете веры. Однако апостолы религии прогресса отвергли потребность в божественном откровении. Они полагали, что

человек должен следовать только свету разума, чтобы раскрыть смысл истории в законе прогресса, определяющем жизнь цивилизации'. Вера в прогресс получила особое распространение в XVIII в., в период торжествующей национальной и культурной экспансии, когда Западная Европа сделалась своего рода центром мира. Но даже в данный период, отмечает Досон, трудно было согласовать этот поверхностный оптимизм с историческими фактами.

Маркс, как и Гегель, был убежден в восходящем прогрессивном развитии, лежащем в основе всей истории, и измерял это развитие прежде всего ростом производительных сил. Всемирно-историческими ступенями прогресса у Маркса являлись общественно-экономические формации, каждая последующая из которых характеризовалась более высоким, чем у предыдущей, уровнем развития производительных сил и, соответственно, более совершенными производственными отношениями. Резко подчеркивая отрицательные стороны капитализма и предрекая его скорую гибель, Маркс тем не менее не считал крах капитализма закатом культуры вообще. Напротив, он видел в неизбежной мировой революции начало новой, более прогрессивной, чем капитализм, эпохи человечества. Эта эпоха должна была не только резко увеличить приобретенную при капитализме производительность труда, но и обеспечить равное участие всех в распределении его результатов.

На эмпирическом уровне христианская история проявляет себя как духовно-социальный процесс: как воплощение внутреннего духа христианства, реально освоенного (аккумулированного) человечеством на уровне духовно-нравственного самосознания во внешних формах социально-общественных отношений. Динамика этого процесса в истории далеко не линейна и отнюдь не является непрерывным утверждением в мире христианской правды. Отношения христианства и общества, мира и

Церкви, преломляясь в греховной природе человеческой истории, образуют очень сложную динамическую конфигурацию, не поддающуюся конечному историософскому анализу. Ибо история есть Богочеловеческий процесс, где промысел Божий перманентно переплетается со свободной человеческой волей, еще до конца не просветленной христианской Истиной, несмотря на двухтысячелетнее присутствие христианства в мире. Само историческое христианство (как история земной Церкви) в этом отношении также отнюдь не является совершенством, но фактически полностью сливаясь с эмпирическим ходом истории, носит сложный и противоречивый характер. Об этом говорит хотя бы факт исторического разделения Церквей, средневековые неудачи христианских теократий и, в конечном итоге, нынешний общий кризис христианской истории, формально позволяющий говорить о постхристианском мире. С этой точки зрения исторические судьбы христианской цивилизации никогда не были однозначны, но всегда являлись неким идеологическим (цивилизационным) компромиссом между несовершенством социальной реальности и христианским общественным идеалом. Причем соотношение того и другого всегда носило глубоко диалектический, взаимообусловленный характер.

В этой связи представляется важной мысль Н.Бердяева о том, что появление в европейской истории опыта демократии и социализма связано с религиозным ослаблением традиционных христианских обществ, утративших свое актуальное теократическое содержание (как стремление к Царству Божьему), которое «лишь внешне символизировалось и формально ознаменовывалось» [1, с. 62.]. Диалектическая взаимосвязь здесь в том, что «теократия была сознательно символична, социализм же в сознании своем реалистичен».

История есть реальный процесс, и она не может определяться идеологическим символизмом, каким бы возвышенным и «истинным» он ни был. Если сакральный общественный идеал не находит подтверждения в реальной общественной жизни, в предметной практике конкретного бытия, а лишь обозначен в качестве символа, то жизнь уходит в другое русло. Социализм в том виде, как он проявил себя в XIX–XX веках, фактически и был реакцией реального общественно-исторического процесса на отвлеченный символизм традиционных христианских теократий, не сумевших привнести высокие истины христианства в реальную социальную жизнь общества. Подобно коммунистической идее конца XX века, превратившись в «солнце, которое светит, но не греет», символическое христианство XVIII–XIX веков выпустило из своих рук направление собственной истории, незаметно перешедшей в антихристианское русло. Бурное развитие капитализма, ставшего отрицанием христианского смысла европейской истории, послужило началом крушения традиционного христианского мира.

Социальные революции XIX века, демократия и социализм XX века были лишь следствием и своего рода положительной компенсацией этого процесса, косвенно сохранившей социальную правду христианства в рамках реальной истории.

Свобода религиозных убеждений одно из неотъемлемых прав человека. Поэтому нужно с терпимостью относиться к представителям других религий, атеистам, которые пребывают в неверии: ведь неверие в Бога – это тоже вера, но с отрицательным знаком. Религия ближе к философии, чем мифология. Им присущи: взгляд в вечность, поиск высших целей, ценностное восприятие жизни. Но религия – сознание массовое, а философия – сознание теоретическое, религия не требует доказательства, а философия – всегда работа мысли.

Таким образом, согласно религиозному смыслу истории, силой является Бог. С точки зрения общего подхода, суть заключается в отношениях. Есть определённый смысл естественных факторов. Основой развития общества являются духовные отношения.

-
1. Бердяев, Н.А. Новое средневековье / Н.А. Бердяев. – М. : Феникс, 1991. – С. 62–82.
 2. Левит, К. О смысле истории / К. Левит // Философия истории : антология / К. Левит. – М., 1995. – 266 с.
 3. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 419–459.
 4. Спиркин, А.Г. Философия : учебник / А.Г. Спиркин. – М. : Гардарики, 1998. – 816 с.

Данцевич Д.С., студ. 215 гр.

Научный руководитель – Пасютина З.М.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМАТИКА РЕПЕРТУАРА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ТЕАТРА

Поиск репертуара был и остается одним из важнейших составляющих успеха постановки как в университетском театре, так и в профессиональном. Театр должен быть разным. Во все времена есть лидеры, которые организуют вокруг себя своих учеников, единомышленников и вместе с ними «строят» театр. Если говорить о театре как о художественном организме, главный «продукт» которого –